

18. A relation of three embassies from His Sacred Majestie Charles II, to the great Duke of Muscovie, the King of Sweden, and the King of Denmark performed by the Right Hoble. the Earle of Carlisle in the years 1663 & 1664. London: Printed for John Starkey, 1669. 641 p.

19. Kolpakova Yu. V. *Tema zashchity v doroge ot «lihih lyudei» po materialam molitv, zagovorov, «stishkov» i «statei» russko-belorusskogo pogranich'ya XVII–XVIII vv.* [The theme of protection on the road from “dashing people” based on the materials of prayers, conspiracies, “poems” and “articles” of the Russian-Belarusian borderlands of the XVII-XVIII centuries] *Dihotomiya voyny i mira: prigranichnye regiony v perelomnye istoricheskie epohi. Sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi onlain-konferencii (Pskov, 3–4 dekabrya 2020 g.)* [Dichotomy of War and Peace: Border Regions in Critical Historical Epochs. Collection of materials of the All-Russian scientific and practical online conference (Pskov, December 3-4, 2020)]. Pskov: PoliArt Studio, 2020. pp. 46-61.

© Клио, 2021

© Михеев Д.В., 2021

УДК 94(5)

DOI: 10.51676/2070-9773_2021_05_33

Дата поступления (Submitted) 11.05.2021

Дата принятия к печати (Accepted) 18.05.2021

NIKOLAY A. SAMOYLOV

*Doctor of Historical Sciences, Professor,
Head of the Department of Theory of Asian and African Social Development,
Saint Petersburg State University (Russia)
199034, Russian Federation, Saint Petersburg, Universitetskaya emb., 7-9.
e-mail: n.samoylov@spbu.ru*

Image of Peter I in the “Records” Written by the Qing Dynasty Diplomat *Tulišen*

Annotation. Peter the Great is one of the few foreign historical figures known to almost every Chinese. His image was widespread in China in the previous centuries and remains popular today.

The purpose of this study is to examine the appearance of the first mentions of Peter I and the occurrence of his image in China, to analyze the specifics of lifetime assessments of his activities and to study the process of sociocultural representation and adaptation of the image of the Russian emperor. For this purpose, the author of the article makes an attempt to comprehend and analyze the materials contained in the travel journals of *Tulišen*, a Qing diplomat, who in 1712-1715 crossed almost the whole Russia in order to visit the Kalmyk ruler Ayuka Khan. His journals present the first mention of Peter I in China. Of utmost importance is the fact that *Tulišen* describes and assesses many aspects of the political and military activities of the Russian tsar, which he learned about during his travel. He also gives a detailed description of the various aspects of Russia's life at that time and the peculiarities of its state and administrative structure. Thanks to *Tulišen*'s “Records from the Mission to the Remote Borderlands” (*Yiyu lu*), the first true perception of Russia and Peter the Great emerged in China.

Keywords: *Peter I, Tulišen, Kangxi, Russia and China, Qing Dynasty, image of Peter the Great.*

* The reported study was funded by RFBR, project number 20-09-42018 (“Image of Peter the Great in East Asia: Sociocultural Interpretation and Adaptation”).

САМОЙЛОВ НИКОЛАЙ АНАТОЛЬЕВИЧ

*доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории общественного развития стран Азии и Африки Санкт-Петербургского
государственного университета.*

*199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург,
Университетская наб., д.7-9. E-mail: n.samoylov@spbu.ru*

Аннотация. Петр Великий является одним из немногих зарубежных исторических деятелей, известных практически каждому китайцу. Его образ получил широкое распространение в Китае в предшествующие столетия и остается популярным в наши дни.

Целью данного исследования является рассмотрение появления первых упоминаний о Петре I и становления его образа в Китае, анализ специфики прижизненных оценок его деятельности и изучение процесса социокультурной репрезентации и адаптации образа российского императора. В этих целях автор статьи предпринимает попытку осмысления материалов, которые содержатся в путевых записках Тулишэня, цинского дипломата, проехавшего в 1712-1715 гг. почти всю Россию с целью посещения калмыцкого хана Аюки. Это было первое упоминание Петра I в Китае. Чрезвычайно важно, что Тулишэнь описывал и оценивал

многие аспекты политической и военной деятельности русского царя, о которых он узнал во время своего путешествия. Он также подробно рассматривает различные стороны жизни России того времени и особенности ее государственного и административного устройства. Благодаря «Запискам» Тулишэня (Yiyou lu), в Китае впервые возникло реальное представление о России и Петре Великом.

Ключевые слова: Петр I, Тулишэнь, Канси, Россия и Китай, династия Цин, образ Петра Великого.

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42018 («Образ Петра Великого в странах Восточной Азии: социокультурная интерпретация и адаптация»).*

Образ Петра Первого в «Записках» цинского посланника Тулишэня

Петр Великий является одним из немногих зарубежных исторических деятелей, известных практически каждому китайцу. Его образ приобрел популярность и получил широкое распространение в трудах китайских мыслителей еще в XIX веке, именно тогда образ царя-реформатора, мудрого правителя огромной страны, закрепился за Петром I надолго и остается востребованным вплоть до настоящего времени [1; 2; 3]. Петру I посвящены страницы в школьных учебниках, он олицетворяет величие России, ее военную мощь, науку, технику, культуру.

Целью данной статьи является рассмотрение появления первых упоминаний о Петре I и становления его образа в Китае, анализ специфики прижизненных оценок его деятельности и изучение процесса социокультурной репрезентации и адаптации образа российского императора. Для рассмотрения этих вопросов были выявлены все материалы, которые содержатся в путевых записках Тулишэня, цинского дипломата, проехавшего в 1712-1715 гг. почти всю Россию в составе посольства, направленного императором Канси к калмыцкому хану Аюке. Можно констатировать, что сочинение Тулишэня «Июй лу» содержит первые упоминания о Петре I и его деятельности в китайских источниках. Свой вклад в изучение истории цинского посольства 1712-1715 гг. и содержания «Записок» Тулишэня внесли отечественные ученые В.С.Мясников [4], С.Л.Тихвинский [5, с.17-23], И.Т.Мороз [6] и историк из КНР Алтан-Очир [7]. Однако образ Петра I и оценка его деятельности, присутствующие в этом сочинении, исследователями не рассматривались.

В 1712 г. император Канси¹ принял решение отправить посольство к калмыцкому хану Аюке², ставка которого располагалась в низовьях Волги, для переговоров о его присоединении к борьбе против Джунгарского ханства. Принимая такое решение, цинский император руководствовался одним из основных постулатов внешнеполитической доктрины традиционного Китая - «юань цзяо цзинь гун» (远交近攻, «Дружить с дальними и воевать с ближними»), вытекающим из 23-й стратагемы. В соответствии с этим постулатом цины были готовы заключить союз с отдаленной страной – Калмыцким ханством, чтобы напасть на близлежащую – Джунгарское ханство.

В конце XVI - начале XVII вв. племена запад-

ных монголов (ойратов), проживавшие на территории Джунгарии и в соседних регионах, разделились: одна часть откочевала в район озера Кукунор, другая осталась на месте и образовала Джунгарское ханство, а третья (калмыки) откочевала в пределы Русского государства, где в дальнейшем в низовьях Волги сформировалось Калмыцкое ханство, обладавшее самоуправлением. В начале XVIII века царское правительство старалось не вмешиваться во внутренние дела Калмыцкого ханства и в его связи с восточными правителями, поскольку было заинтересовано в лояльности калмыков, участвовавших в обеспечении безопасности южных границ Российского государства и принимавших активное участие в войнах, которые вела Россия. В составе русских войск калмыцкая конница участвовала в Северной войне, включая Полтавскую битву, в русско-турецких войнах, в Персидском походе Петра I, в боевых действиях против Крымского ханства [8; 9].

Калмыцкие ханы даже могли самостоятельно поддерживать отношения с отдельными странами Востока. Аюка в 1690 г. официально принял титул хана от Далай-ламы VI, и это было признано российскими властями в 1709 г. Калмыцкое ханство сохраняло духовные связи и постоянно контактировало с другими монгольскими государствами и тибетским духовенством. «Калмыки не имели общей границы с Китаем, поэтому связи с ним возникали лишь в контексте отношений с Тибетом» [10, с.38].

Посланцы калмыцкого хана в 1709-1713 гг. посещали Тибет, а в 1712 г. были удостоены аудиенции у императора Канси. Это событие и стало поводом для отправки из Пекина ответной дипломатической миссии к Аюке-хану с тем, чтобы, согласно плану императора Канси, калмыки с дозволения русского царя Петра I приняли участие в войне, которую Цинская империя планировала вести против Джунгарии.

Это посольство выехало из Пекина 20 числа 5-й луны 51 года правления Канси (12 июня 1712 г.) вместе с возвращавшимся на родину русским торговым караваном под началом П.Р. Худякова. Руководящий состав цинского посольства состоял из маньчжуров, за исключением одного китайца и одного торгоута. В составе посольства находились также четыре подданных тайджи Арабджура (племянника хана Аюки), который в то время находился в Пекине

и которому император Канси пожаловал княжеский титул 2-й степени *бэйсэ* и отвел территорию для кочевий в районе Великой стены, а также 22 человека обслуживающего персонала, так что всего было 34 или 35 человек [11, с.626].

Хотя Петр I в то время был всецело поглощен событиями Северной войны и не смог лично встретиться с послами Цинской империи, он не только разрешил посольству проехать по территории России, но и распорядился воздать им соответствующие почести и оказать торжественный прием в Тобольске - фактической столице Сибири.

Получив разрешение российских властей, цинское посольство проследовало практически через всю Россию, посетив многие русские города: Селенгинск, Иркутск, Тобольск, Хлынов (Вятка), Казань, Симбирск. 1 июля 1714 г. послы прибыли в Саратов и оттуда направились в ставку хана Аюки, расположенную в урочище Манутохай.

Однако переговоры цинских посланцев с калмыцким ханом не увенчались успехом, в том числе и потому, что Сенат рекомендовал Аюке воздержаться от выступления против Цэван-Рабдана³. В приговоре Сената от 26 ноября 1712 г., подписанном князем Яковом Долгоруким и другими высокопоставленными лицами, говорилось: «Посланного из Китая, также возвратившегося от Аюки посланцев, в городех Сибирской губернии пропустить без задержания до городов Казанской губернии, и Казанской губернии городами вести, которыми пристойнее по рассмотрению губернаторскому. И давать им как Сибирской, так и Казанской губерней в городех дорожной обыкновенной корм и подводы. А как оной посланец прибудет до Аюки, велеть ближнему боярину и казанскому губернатору проводить всячески: для чего оной посланец к нему, Аюке, приехал. И буде по совершенному известию явитца, что приехал он подзывать ево, Аюку, на калмыцкого владельца контайшу⁴ войною, и то ему, Аюке, говорить, дабы он на него, контайшу, войною не ходил, для того, что он, контайша, царскому величеству примирителен» [11, с.132]. В итоге Аюка-хан принял решение не участвовать в военных действиях против Джунгарии.

Посольство вернулось в Китай через три года - в 1715 году. Существенно также то, что Тулишэнь возвратился в Пекин вместе с русскими священнослужителями во главе с архимандритом Иларионом (Лежайским) - главой Первой Российской Духовной миссии в Китае. По этому поводу Т.А.Пан замечает: «В своих "Записках о чужеземном крае" ("И-юй лу") Тулишэнь пишет, что он вернулся в столицу в 27-й день 3-го месяца 54-го года правления Канси. Эта дата соответствует 30 апреля 1715 г. по европейскому календарю, и ее мы должны принять за день приезда архимандрита Илариона и членов его миссии в Пекин» [12, с.104].

У исследователей нет точных данных о том, что именно Тулишэнь был главой цинского посольства к калмыцкому хану, но многие склонны считать именно так. Во всяком случае, он оказался единственным, кто оставил записи об этой мис-

сии.

Тулишэнь (1667-1741) – крупный чиновник и дипломат цинского времени, маньчжур по национальности. Он происходил из семьи, которая принадлежала к клану Аянь Гиоро (阿顏觉罗氏), входившему в состав привилегированного Желтого знамени⁵ (正黃旗). Его дед служил цинскому императору Хунтайци (Абахай).

Тулишэнь владел маньчжурским и китайским языками. И хотя, как он сам писал, жил «из младенчества бедно, был здоровьем слаб и много немощен» [11, с.438], все же сумел поступить в Государственную академию Гоцзыцзянь (国子监, «Академия сынов государства») и в 1685 г. сдал все положенные экзамены, а в следующем году был включен в число чиновников Государственной канцелярии (内阁), которые занимались составлением проектов императорских указов и других документов [13, т.2, с.785]. Однако через некоторое время он попал в опалу, был лишен чина и должности и вынужден вернуться в родные края. Сам он писал об этом так: «Но за тем, что я от природы был малосмыслен и слаб разумом, то по доносу лишен был имевшего чину и достоинства, и жил потом в деревне, присматривая за земледельством» [11, с.437].

В 1712 г., узнав, что формируется посольство к правителю калмыков Аюка-хану, Тулишэнь «подал челобитную, которая от священнейшаго и великаго государя принята с такою особливою милостию, что не токмо я, низайший, в прежнем чину и достоинстве подтвержден, но и получа великое награждение послом быть удостоен» [11, с.439]. Император выбрал его из числа других претендентов и вернул утраченный чин.

После возвращения в Китай Тулишэнь занимал различные должности в Военном приказе. В 1715, 1720 и 1722 гг. три раза посещал Селенгинск для переговоров с представителями России по джунгарскому вопросу. В 1720 г. занимался организацией приема российского посольства во главе с капитаном Львом Измайловым. Очевидно, в то время, после поездки в Россию, его стали считать экспертом по русским делам.

В 1723 г., при новом императоре Юнчжэне, Тулишэнь был направлен в провинцию Гуандун для инспектирования финансовой ситуации, а в 1725 г. назначен губернатором провинции Шэньси. В 1726 г. он был переведен в Пекин, где занял должность заместителя руководителя Военного ведомства [13, т.2, с.786].

В 1727 г. Тулишэнь участвовал в переговорах с российским посланником С.Л.Владиславичем-Рагузинским, результатом которых явилось заключение российско-китайского Кяхтинского договора. Однако затем он впал в немилость, так как самостоятельно осуществил демаркацию границы, не получив на то высочайшую санкцию императора. Лоренц Ланг писал в своем дневнике, что ему стало известно «от проезжего китайского купца из Калгана» о том, что вскоре после прибытия Тулишэня в Калган с границы ему «железные цепи на шею, на руки и на

ноги наложены, и таким образом в Пекин повезен будет» [14, с. 601].

В Пекине ему было предъявлено гораздо более серьезное обвинение в разглашении военной тайны в период нахождения на посту губернатора провинции Шэньси, а именно в том, что он передал Яньсиню полный отчет о количестве и составе вооруженных сил империи и их расположении [13, т.2, с.786]. Дело в том, что принц Яньсинь (延信, 1673-1728), внук императора Хунтайцзи (Абахай), в 1727 г. был обвинен в «двадцати преступлениях», исключен из императорского клана и заключен в тюрьму, а его потомки были понижены в иерархии родственников императора и переведены из разряда «желтопоясных» (высшая категория) в «краснопоясные» [13, т.2, с.908]. Вина принца Яньсиня состояла в том, что он примыкал к заговору Иньсы (1681-1726) - 8-го сына императора Канси, и Иньтана (1683-1726) - 9-го сына Канси, и их сторонников, направленного против их брата - императора Юнчжэна.

За связь с опальным принцем Яньсинем должен был пострадать Тулишэнь. В 1728 г. его судили, признали виновным и приговорили к смертной казни, но император неожиданно помиловал его. В качестве наказания ему было приказано за свой счет построить оборонительные стены двух укреплений по рекам Цзак и Байдарик во Внешней Монголии, расположенных на караванных путях в Улясутай и Кобдо [13, т.2, с.787].

Когда в 1735 г. император Цяньлун взошел на престол, он включил Тулишэня в состав Большого секретариата, а в начале следующего года повысил его до должности вице-президента Совета по общественным работам. Тулишэнь вышел в отставку в 1737 году и умер четыре года спустя [13, т.2, с.787]. По другим данным карьера Тулишэня завершилась в 1740 г., когда император Цяньлун отправил его в отставку, отметив в своем указе, что «Тулишэнь слишком стар для того, чтобы работать» [11, с.625].

«Записки Тулишэня о его поездке в составе цинского посольства к калмыцкому хану Аюке в 1712-1715 гг.» [11, с.437-481] получили широкую известность и переводились на разные языки. «Записки», скорее всего, писались Тулишэнем непосредственно по пути следования посольства в ставку хана Аюки и обратно, так как сразу же по возвращении в Пекин он представил их императору Канси вместе с петицией. Через некоторое время он вторично обратился к императору с просьбой разрешить издание его «Записок», что было позволено ему сделать. Сочинение Тулишэня на протяжении длительного времени привлекает пристальное внимание ученых из многих стран, что обусловлено тем, что в них говорится о беспрецедентной по продолжительности и дальности дипломатической миссии за пределы Китая, первом посольстве в европейское государство - Россию. Интерес к «Запискам» вызван также тем, что в них автор дает детальное описание пути следования цинского посольства через Монголию и Россию. Тулишэнь приводит подробные сведения о различных народах, их обычаях, одежде, хозяйствен-

ной деятельности, а также информацию военного и политического характера.

Первоначально Тулишэнь написал свои «Записки» на маньчжурском языке, что закономерно, поскольку по национальности был маньчжуром, и адресовались они маньчжурскому императору. Первое ксилографическое издание датировано 9-й лунной 1-го года правления императора Юнчжэна (9-я луна длилась с 18 сентября по 17 октября 1723 г.) [11, с.626] и содержит основной текст, предисловие автора, карту маршрута, по которому двигалось посольство, составленную лично Тулишэнем, и две его петиции на имя императора Канси. Любопытно, что данное издание оказалось не только первой, но и единственной публикацией «Записок» на маньчжурском языке.

До настоящего времени сохранилось лишь несколько экземпляров этого редкого издания, причем один из них хранится в Санкт-Петербурге в Институте восточных рукописей РАН. Эта книга была привезена из Пекина китаеведом Иларионом Россохиным (1707/17 – 1761), который в 1729-1735 гг. находился в Китае в составе Пекинской Духовной миссии, а по возвращении служил переводчиком при Академии наук.

Сочинение Тулишэня, учитывая его историческую ценность, неоднократно переводилось на восточные и западноевропейские языки. В 1723 г., одновременно с выходом в свет этого произведения на маньчжурском языке, был издан и его перевод на китайский язык под названием «Июй лу» 異域錄 (совр. написание: 異域錄. «Записки о чужеземных странах», «Записки о чужеземном крае»), который был осуществлен самим автором. Китайский вариант, имеющий некоторые текстовые отличия от маньчжурского оригинала, довольно часто переиздавался в последующие годы, и в настоящее время именно он используется китайскими учеными. Однако, как отмечала И.Т.Мороз, в последующих изданиях отсутствует предисловие, написанное Тулишэнем (в эти издания были включены предисловия и послесловия различных авторов) и нет его петиций к императору, а между тем все это существенно дополняло данное сочинение [11, с.626]. Следует также отметить, что в китайской версии «Записок» имя Тулишэнь обозначено иероглифами: 圖麗琛 (Туличэнь, совр. написание: 图理琛), и именно этот вариант закрепился в китайской научной литературе [7].

В 1726 г. французский миссионер-иезуит, преподаватель латыни в школе при Лифаньюане, Антуан Гобиль (1689-1759), находившийся в то время в Пекине, выполнил первый, правда сокращенный, перевод «Записок» Тулишэня на французский язык и снабдил его примечаниями. Он использовал китайскую версию текста, взяв лишь те части «Записок», в которых приводятся сведения географического характера, что, безусловно, умаляет достоинство данного перевода. В 1732 г. сокращенный французский перевод Гобиль был переведен на немецкий язык Г.Ф.Миллером, который снабдил его примечаниями и исправлениями.

Существует также более поздний английский перевод, выполненный британским путешественником и востоковедом, участником известного британского посольства Джорджа Макартни ко двору императора Цяньлуна - сэром Джорджем Томасом Стаунтоном (1781-1859), изданный в Лондоне в 1821 г. тиражом в 150 экземпляров. Перевод «Июлю» на английский язык также был сделан с китайской версии «Записок» (*Staunton G. H. Narrative of the Chinese Embassy to the Khan of the Tourgouth, Tartars, in the years 1712, 13, 14, and 15, by the Chinese Ambassador and published by the Emperor's Authority at Peking. London, 1821*).

На русский язык сочинение Тулишэня переводилось дважды и оба раза в XVIII веке. Первый перевод, выполненный И.К.Россохиным, был опубликован под редакцией Г.Ф.Миллера в 1764 г. (*Россохин И.К. Описание путешествия, коим ездили китайские посланники в Россию, бывшие в 1714 году у калмыцкого хана Аюки на Волге // Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах. СПб., 1764, июль, с. 3-48; август, с. 99-150; сентябрь, с. 196-234; октябрь, с. 291-353; ноябрь, с. 387-413*). Вышедший после смерти Россохина перевод под редакцией Г.Ф.Миллера известен именно под этим названием. Однако сам Россохин перевел заглавие иначе: «Записки путешествия послов в последние край света посланных». Об этом свидетельствует и «внутреннее заглавие перевода, помещенное после предисловия Миллера» [11, с.627].

В предисловии к этому переводу опубликованному, кстати говоря, в редактировавшемся им самим журнале «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах», Г.Ф.Миллер отметил, что И.Россохин «предпочел перевести с маньчжурского языка, потому что на оном сочинена сия книга первоначально, да сверх того собственные имена российские, сибирские, мунгальские, калмыцкие на маньчжурском языке не так испорчены, как на китайском, о чем можно себя уверить, читая французское сокращение, которое сочинено с китайского языка, и мой перевод немецкий» [11, с.627]. Сравнивая перевод Россохина с переводом этого же произведения, выполненным Антуаном Гобилем, Миллер писал, что русский китаевед «имея к тому потребную способность», перевел «Описание путешествия...» с маньчжурского и сделал примечания, отсутствовавшие у Гобиля, и что «благосклонный читатель легко усмотрит превосходство одного перед французским сокращением» [15, с.51]. Помимо этого, Россохин перевел предисловие Тулишэня к его «Запискам» и включил записку о приеме и пребывании Тулишэня в Тобольске.

Второй перевод «Записок» Тулишэня на русский язык, также с маньчжурского оригинала, был осуществлен в 1782 г еще одним корифеем отечественного китаеведения XVIII века Алексеем Леонтьевичем Леонтьевым (1716-1786). Второе издание этого перевода увидело свет в 1788 г. Перевод, выполненный А.Л.Леонтьевым, был издан Императорской Академией наук под заглавием: «Путешествие китайского посланника к калмыцкому Аюке хану, с

описанием земель и обычаев российских». Тот факт, что два наиболее выдающихся русских китаеведа XVIII века - Иларион Россохин и Алексей Леонтьев - взялись переводить «Записки» Тулишэня и оба перевода были опубликованы, безусловно, говорит о том значении, которое придавали в России этому важному источнику.

В 1978 г. в рамках серии материалов и документов «Русско-китайские отношения в XVIII веке» вышла наиболее полная версия «Записок» Тулишэня, подготовленная к изданию известным востоковедом, блестящим знатоком маньчжурского языка Ириной Тимофеевной Мороз [11, с.437-481]. Сверив переводы Россохина и Леонтьева с маньчжурским оригиналом, И.Т.Мороз остановилась на первом, как наиболее полном. И.Т.Мороз установила, что в переводе Леонтьева «имеется большое количество пропущенных, как правило, труднопереводимых мест, а сам перевод нередко имеет описательный характер, а иногда просто неверен» [11, с.627], в то время, как перевод Россохина, хотя и имеет некоторые недостатки, сделан на высоком уровне. И.Т.Мороз, например, отметила, что одним из недостатков можно считать то, что прямая речь, весьма часто встречающаяся в тексте «Записок», почти везде передается Россохиным косвенной, а это, безусловно, снижает точность, перевода и в известной мере обедняет язык «Записок», лишая их неповторимого колорита разговорной речи. Кроме того, следует указать на устаревший к настоящему времени язык перевода, что, в какой-то мере затрудняет восприятие текста «Записок» современными читателями.

При включении «Записок» Тулишэня в том материалов и документов по истории русско-китайских отношений и подготовке его к печати перевод Россохина был тщательно сверен с маньчжурским оригиналом. В тех случаях, где перевод был сделан не совсем ясно или имелись пропуски, И.Т.Мороз ввела подстрочные примечания. Сверка транскрипции имен и названий была осуществлена по «Полному маньчжурско-русскому словарю» И.И.Захарова (СПб., 1875). Кроме того, И.Т.Мороз заново прокомментировала весь текст «Записок», сохранив наиболее ценные комментарии, сделанные И.К.Россохиным и Г.Ф.Миллером к изданию 1764 г., и ввела ссылки на это издание.

И.Т.Мороз также обнаружила, что Россохин опустил при переводе две петиции, поданные Тулишэнем на имя императора и помещенные в конце «Июлю», которые содержат весьма ценную информацию. Она перевела на русский язык обе петиции и в издании 1978 г. приложила их к переводу Россохина.

Таким образом «Записки» Тулишэня в переводе на русский язык были впервые опубликованы в полном объеме в 1978 г., в соответствии с первоисточником на маньчжурском языке. А учитывая, что количество тех, кто способен читать старые маньчжурские тексты в оригинале, в последние десятилетия катастрофически сокращается даже в Китае,

это издание приобретает ценность первоисточника и именно оно должно использоваться исследователями.

В своих «Записках» Тулишэнь упоминает Петра I достаточно часто, в основном именуя его «Чагань-хан» («Белый царь»). Основные сведения о русском царе и его деяниях цинский посланник получал от тех официальных лиц, с которыми общался во время своей поездки по России. Чаще всего имя Петра упоминается в его беседах с Матвеем Петровичем Гагариным, губернатором Сибирской губернии (в своих «Записках» Тулишэнь в основном называет его Матифи Фиодориоучи).

Однако впервые Тулишэнь узнал о Петре раньше, когда получил наказ, сформулированный императором Канси для своих посланцев. В наказе, который был оглашен членам посольства, говорилось, что если «российский чагань-хань пожелает вас видеть и к вам людей своих пришлет, то вы немедленно к нему поезжайте или все вместе, или несколько из вас, смотря по его требованию. В последнем случае ехать из вас Наяню, Тулишыну и двум новым манджурам. Когда же он видеть вас не похочет и людей по вас не пришлет, то вы езду свою оставьте. А при свидании с ним поступать вам так, как того их обыкновение требует» [11, с.440]. Таким образом, еще в Пекине Тулишэнь и его коллеги получили инструкции на случай, если им придется общаться с русским царем.

Судя по содержанию наказа, император Канси самым серьезным образом инструктировал своих представителей и даже давал конкретные рекомендации о том, какие темы можно обсуждать с Петром I и что отвечать на его возможные вопросы: «И когда вы будете перед Чагань-ханом, и он спросит вас о том, что у нас выше всего почитают, то отвечайте: все наше высокопочитание или вера нашего государства состоит в верности к государю, в отдании послушания родителям, в чистой совести, в познании истины и правды и в содержании своего слова верно; сии добродетели содержим мы ненарушимо и как государство приводим в добропорядочное состояние ими, так равным образом и самих себя исправляем, и содержим оные добродетели с такою крепостию, что хотя бы нам случилось быть и в самых крайних бедах или напастях, однакож смерть нас не устрашает, которую принимаем мы без всякия боязни, не нарушая нашей веры ни малого члена» [11, с.440]. Как мы видим, император Канси предложил послам вкратце изложить Петру суть конфуцианского учения об управлении государством и обществом, упомянув основные его принципы: «верность к государю, послушание к родителям, чистую совесть, познание правды и содержание своего слова верно».

Остается только сожалеть о том, что Петру Великому не удалось встретиться с цинскими посланниками и беседа с ними так и не состоялась. Было бы очень интересно знать, как отреагировал бы Петр на изложение принципов управления государством, принятых в Китае. Вполне вероятно, что хорошо образованный и обладавший широким

кругозором цинский император⁶, слышавший от иезуитов об учености Петра I, хотел завязать с ним своеобразный диалог.

Судя по содержанию его наставлений, Канси также предполагал, что Петра I могли заинтересовать некоторые вопросы социального характера, и хотел поведать ему о своеобразных достижениях Китая в области социального обеспечения. Поэтому в своем наказе послам он говорил следующее: «Когда же Чагань-хан спросит вас о состоянии домашняго жития, богато ли у нас живут, то отвечайте вы только, что на свете везде равно — есть и зажиточные, есть и бедные люди... Есть ли российской государь спросит вас, долго ли живут наши люди, то ответствуйте ему, что хан наш ежегодно посылает переписывать людей старолетных во всем государстве, и во всякую перепись является таких людей, которые живут лет по сту и более, по 20 и по 30 человек, а о некоторых провинциях находится таких, кои более 90 лет прожили числом не меньше 10 000 и оные люди все получают от нас особое награждение⁷» [11, с.440].

В то же время Канси, вероятно от иезуитов или от русских торговцев из казенных караванов знал о том, что Петр в то время вел войны с Швецией и Османской империей и, очевидно, хотел использовать эту ситуацию в интересах Цинской империи. По этой причине он инструктировал своих послов следующим образом: «Также при случае объявить можете еще и сие, что несколько лет тому назад прослышали мы, что их Российское государство от другой стороны с соседственным государством по некоторой ссоре раздружившись, друг на друга воюют» [11, с.440]. И в сложившейся ситуации Канси был намерен сделать российскому государю неожиданное предложение: по его мнению, Петру I следовало отправить русские войска, стоявшие на российско-китайской границе, на запад для участия в боевых действиях, а охрану границы доверить исключительно цинским отрядам. При этом Канси делал упор на то, что Россия и Цинская империя живут в мире: «Однакож как между обоими государствами мирное согласие из давнейших лет состоит, так и у нас никакого тому противнаго намерения быть не может, и ежели их государь имеет нужду в своих пограничных войсках, то б употреблял он их на свою пользу в оной войне без всякаго с нашей стороны опасения» [11, с.440]. Такое предложение, естественно, проистекало, прежде всего, из интересов Цинской империи.

В то же время Канси явно не располагал достоверной информацией о состоянии армии и военного дела в России, иначе бы в наказе не появилось следующее его высказывание: «Я думаю, что российской государь не преминет говорить вам о пушках и о прочих огнестрельных орудиях. И ежели требовать их будет, то вы более ничего не ответствуйте, как только сие, что для толь дальняго пути никак довести их не возможно, а особливо по дороге для лежащих великих гор и для находящихся частых и дремучих лесов и многочисленных крутых и тесных взъездов и проездов, каковых вы в своей земле и на роду своём не видывали, а к томуж и по законам

нашим под наихудшим наказанием накрепко запрещается, чтоб таковых вещей за границу отнюдь не пропускать; а хотя бы наш священнейший государь дать оные и соизволил, однакож довести таких тяжких орудий ни по которой мере не возможно» [11, с.441]. Известно, что император Канси считал, что Китай обладает мощной артиллерией, которую удалось создать при техническом содействии миссионеров-иезуитов, подвизавшихся при цинском императорском дворе. При этом Канси явно не был осведомлен о том, что русская армия к тому времени уже обладала сильной артиллерией, проявившей себя в Полтавском сражении, поскольку благодаря развитию металлургической промышленности в России были созданы крупные оружейные заводы, и русскому царю незачем было просить у Китая пушки.

Из других наказов, полученных послами от своего императора, любопытны следующие: «Также ведать вам должно, что российские люди по величавости своей часто выставляют редкия вещи, какия бы только сыскать могли, и показывают их приежжим людям для смотрения; и когда вам будут они что показывать, то вы никак не удивляйтесь, также и ни малейшаго презрения в себе не оказывайте, но только ответствуйте, что из сих редких вещей есть и такая, которая в нашем государстве имеютя, также есть и такая, которых в нашем государстве нет. Однакож сие говорите вы с такою оговоркою, что понеже у нас определяются люди не все к одному делу, то по различности мест видяли вы то, чего не видали другие, а что видели другие, того вам видеть не случалось и так вы всех вещей знать не можете» [11, с.442].

Император также велел посланникам строго следить за своим поведением на территории России: «Будьте всегда трезвы, не упиваясь ни вином, ни другими хмельными напитками, никаких бесчинств и невежеств не делайте и служителей своих содержите в крепком смотреии» [11, с.442].

Оказавшись на территории России, Тулишэнь и другие участники цинского посольства стали все чаще слышать о русском царе Петре I и постоянно получали новую информацию о нем. К тому же они с первых дней своего пребывания в России, ощутили, каким вниманием и почетом русский царь повелел окружить посланцев Цинской империи. Тулишэнь подробно описывал, как торжественно их встречали в русских городах: «Когда мы по отбытии из Иркутска-города, ехавши по Ангаре-реке 19 дней, пятого месяца 23 числа [5 июня 1713 г.] в Енисейск-город прибыли, то начальник сего местечка, именем Эликсандари Семинуновичи, выслав войско со знаменами, при пушечной и из мелкаго ружья пальбе, с битием в барабаны и с игранием на музыке, учинил нам встречу», а затем «Эликсандари Семинуновичи⁸, при самом нашем приезде посещал нас, и звал нас к себе на обед, а потом нам, четверем человекам, каждому по два соболя и по десяти песцов, также свиней и вина прислал в подарок», подчеркнув, что «нашего среди света лежащего государства⁹ люди в их земле никогда не бывали» [11, с.450].

По ходу продвижения посольства по россий-

ской территории Тулишэнь все с большей признательностью описывал внимание со стороны Петра I, постоянно подчеркивая, что «от их Чагань-хана даются нам съестные припасы в таком великом довольстве, что мы и издержать их не можем» и «даваемых нам от их государя Чагань-хана съестных припасов было столь довольно и премного, что всегда оставалось излишнее за нашим расходом, и понеже как в подводах, так и в судах нигде не было ни малейшаго задержания, то мы и никакой нужды ни безпокойства ни в чем не видали». [11, с.457]. Такое изобилие предоставленного им провианта цинский посланник связывал с богатством и процветанием Русского государства, достигнутыми при Петре Великом.

После бесед с М.П.Гагариным и другими русскими чиновниками у Тулишэня постепенно сложилось представление о русской истории и современном положении России. Не все, конечно, он понял и правильно запомнил, но тем интереснее картина, которая у него в итоге сложилась.

Тулишэнь пишет, что первоначально владения правителей России были ограничены «в пределах Киевской губернии и в протчих тамошних местах, не далече от северо-западнаго [Балтийского] моря находящихся». Далее он переходит к временам Ивана Грозного и Ливонской войне: «Владелец их Иван Васильевич, которой от внутренняго замешательства находился в великом безсилии, просил шведскаго короля на управу с своими вспоможения. Шведской король дал оному Ивану Васильевичу со всем провиантом восемь тысяч войска на вспоможение с тем договором, чтоб поступился Иван Васильевич ему городом, Нарва называемом, которой город по силе того договора и отдан был шведскому королю во владение» [11, с.465]. Тулишэнь отмечает, что Иван Васильевич объявил себя царем, завоевал Казань и Сибирь, и таким образом русское государство «в величестве своем распространилось».

Далее цинский дипломат переходит непосредственно к рассказу о Петре, который в отличие от своего отца, забавлявшегося охотой с соколами и борзыми собаками, предпочитал военные игры: «Ныне царствующий их Чагань-хан с молодых лет имел битвы и сражения с молодыми дворянами за первую свою забаву, и ныне все те дворяне, которые в малолетстве с их Чагань-ханом воинскими играми забавлялись произведены в генералы» [11, с.456]. Тулишэнь указывает, что Петр, укрепив свою армию, отправил послов к шведскому королю и потребовал возвращения города Нарвы. Но поскольку «шведской король отдать города не хотел, то произошла от того между ими война, которая уже с 15 лет продолжается». Петр (Чагань-хан) «настоящего году на шведского короля паки ходил войною и взял у него в плен 21 корабль, одного генерала да 800 рядовых солдат» [11, с.475].

Швеция, как главный в то время соперник России также очень интересовала Тулишэня. Перечисляя государства, расположенные к северу и западу от России он называет страну Сифэйесыкэ (Швецию), и

сообщает, что правит этой страной король Карлусей (Карл XII), от роду которому 33 года, а город, в котором король живет, именуется Сытиохолна (интересно, что здесь Тулишэнь затранскрибировал русскую версию названия города Стокгольм – Стекольна). Но самое важное – это то, что цинский посланник четко усвоил тот факт, что шведский король потерпел крупное поражение от русского царя, «потеряв войска превеликое множество, также и немалое число городов досталось победителю, и приведен он был до такой крайности, что за восемь лет пред сим принужден он был бежать в небольшой город, Очекофу (Очаков) называемой, турецкому Гунхархану¹⁰ принадлежащий» [11, с.466]. Кроме того, Тулишэню во время пребывания в России довелось встретить шведских военных, взятых в плен в ходе Северной войны, пообщаться с ними и узнать о том, как шведы терпели от русских поражения. В Сибири он встретился с пленным «сиянским» (т.е. «западным») генералом Янаром, который приезжал вместе с илимским градоначальником посмотреть на посланников Цинской империи и, как пишет Тулишэнь, они «потчивали нас своим вином и пивом» [11, с.451]. Скорее всего, этим человеком был генерал-адъютант Карла XII Габриэль Отто Канифер, плененный Меншиковым в августе 1708 года. Правда, Цай Хуншэн, профессор исторического факультета Университета им. Сунь Ятсена в Гуанчжоу, в своей публикации именуется этого человека иначе: Мартин Карлфельдт [16, с.92].

Можно сделать вывод о том, что именно после возвращения посольства Тулишэня из поездки в Россию, которая в то время находилась в состоянии войны со Швецией, в Китае появились первые представления о существовании к западу от России шведского государства, которое, вступив в войну с Россией, потерпело ряд серьезных военных поражений. Кроме того, именно под влиянием его «Записок» при цинском дворе стали считать Россию одним из сильнейших государств Европы, значительно сильнее Швеции, а Петра Великого могущественнее, чем Карл XII. Шотландский врач Джон Белл, совершивший поездку в Пекин в 1719-1722 гг. в составе посольства Л.В.Измайлова, отмечал, что цинский император во время беседы с русским посланником, расспрашивая его «о некоторых государях и державах европейских», «показался удивленным, что Шведское королевство могло противиться столь долго толико сильной державе, какова есть Россия» [11, с.525].

Также Тулишэнь отмечал, что в войне против России шведам помогали другие европейские государства: «фуланьчус [французы] и другие многие короли чинят шведскому королю вспоможение» [11, с.475]. Из союзников России он называет только имеретинского царевича Александра Арчиловича («Помогал на сей войне против шведов российскому Чагань-хану небольшой хан, Миркилис¹¹ называемой, которой прежде того поблизости земли Шаджан-хана [иранского шаха] имел свое особое владение. Он на сражении взят был в полон шведами, а российской Чагань-хан, отдав шведам их пленников, выкупил его, однакож он, не доехав, на дороге скончался» [11,

с.466]), а также калмыков. Упоминает Тулишэнь и о войне России с Турцией, отмечая успешное взятие Азова войсками Петра I.

Особое внимание Тулишэнь уделил перенесению столицы России из Москвы в Петербург: «Гагарин нам отвечал: Чагань-хана, своего государя, видел он в городе, Сампетирбур [Санкт-Петербург] называемом; сие местечко прежде принадлежало ко владению шведскаго короля, и как Чагань-хан, его государь, оное завоевав, и построил на нем крепость, то государь его по имени своему назвал сию крепость Сампетирбур, а понеже тамошня места имеют положение несравненно лучше, нежели как Москва, то государь их Чагань-хан там и житье обит» [11, с.475].

Таким образом, Петр I предстает в «Записках» Тулишэня сильным и могущественным государем, укрепившим свою державу и создавшим мощную армию, способным победить всех своих врагов, что наглядно продемонстрировала война против Швеции. Из этого контекста вытекает вполне очевидный вывод: Китаю лучше иметь с русским царем мирные и дружественные отношения, что, в конце концов, поймут и цинские императоры.

Безусловно, когда Тулишэнь пишет о Петре и петровской России, он допускает много фактических ошибок и неточностей, что вполне естественно, учитывая, что это было первое знакомство подданного империи Цин с нашей страной. Однако информация, полученная Тулишэнем из первых рук или явившаяся результатом его личных наблюдений, была очень важна в плане осмысления в Китае реалий российской жизни и восприятия образа ее великого государя.

Собранные Тулишэнем сведения были настолько ценны и интересны, что в дальнейшем его сочинение легло в основу всех последующих описаний России, появлявшихся в Китае. Академик В.С. Мясников указывает, что «"Записки" Тулишэня повлияли не только на всю китайскую литературу о России XVIII в., но служили базовым источником и для таких авторов XIX в., как Хэ Цютао¹²» [4, с. 111-112], который постоянно цитировал «Июй лу».

В середине XVIII в. по указанию императора Цяньлуна в Пекине был издан иллюстрированный ксилографический альбом «Хуан Цин чжи гун ту» («Изображения данников правящей династии Цин») [17], где в соответствии с традициями китайского миропорядка Россия, наряду с Англией, Францией, Нидерландами и другими западными странами, номинально была отнесена к числу «данников» Цинской империи. При этом содержащиеся там сведения о России явно восходят к сочинению Тулишэня.

Постепенно знания о России и других зарубежных странах стали активнее распространяться в Китае, в связи с чем традиционная концепция даннических отношений и ее реальное воплощение на практике в XVIII веке претерпели в Цинской империи значительные изменения [18]. При этом, с одной стороны, активизировались попытки применения данной доктрины на практике, а с

другой – в орбиту внешних сношений империи Цин вошло большое количество стран и народов, которые не были склонны даже формально вписываться в систему традиционного китайского миропорядка.

Как отмечал В.С. Мясников, в XVIII веке произошли серьезные перемены в российско-китайских отношениях, так как цинское правительство было вынуждено по сути признать де-факто равенство отношений: «новый век знаменует собой признание... цинским правительством того факта, что для Русского государства оно должно сделать исключение в своей китаецентристской концепции внешней политики» [19, с.262]. Причины такого изменения

отношения к России, которое затронуло практически все европейские государства, а также восточных соседей России, включая Китай, Иран и Османскую империю, «были вызваны тем великим обновлением, которое дали России реформы Петра I и его успехи в упрочении позиций вчерашней Московии на берегах Балтийского и Черного морей» [19, с.262].

Образ Петра Великого, очерченный Тулишэнем на страницах его «Записок», сыграл существенную роль в нарастании интереса к личности российского императора и его реформам, активно проявившегося в Китае в последующие столетия.

Примечания

- 1 Канси (康熙, 1654 - 1722, собственное имя – Сюань Е, храмовое имя – Шэн-цзу) – маньчжурский император из династии Цин, царствовал 61 год (с 7 февраля 1661 г.) - рекордный по продолжительности срок правления в китайской истории. Эпоха Канси считается «золотым веком» в истории Китайской империи.
- 2 Аюка (Аюши, 1642 - 1724) - с 1672 г. правитель калмыков, с 1690 г. - первый калмыцкий хан (титул хана ему пожаловал Далай-лама VI). Под его властью Калмыцкое ханство достигло пика экономического, политического и военного могущества. В 1722 г. Аюка-хан встречался с императором Петром Великим.
- 3 Цэван-Рабдан (1663 - 1727) – четвертый хан Джунгарского ханства. В 1700 г. завоевал Восточный Туркестан. В 1715-1721 гг. вел войны против империи Цин.
- 4 Контайша - точнее, хунтайджи (монг.; кит.: 浑台吉 – «хуньтайджи») - титул некоторых монгольских правителей, восходит к китайскому титулу «хуан тайцзы» (皇太子 - «наследный принц»), его появление связывают с именем Хубилай-хана. Титул «хунтайджи» носили потомки Чингисхана, владевшие территориальными доменами. В середине XVII в. этот титул был пожалован Далай-ламой V одному из правителей Джунгарского ханства, хотя он и не был чингисидом, и в дальнейшем закрепился за правителями Джунгарии.
- 5 Маньчжурское войско, а в дальнейшем и все маньчжурское общество, подразделялось на «Восемь знамен». Этот принцип административного деления, совмещающий военные и гражданские элементы, стал неотъемлемой частью государственного устройства Цинской империи.
- 6 Вот, что Тулишэнь писал об императоре Канси: «Наш высочайший священнейший и великий хан, - отвечали мы Гагарину, - в премудрых и героических преславных делах государь неописанный, поступает по одному закону естества, так как небо непременно между свободным от дел государственных остающимся временам, упражняется его величество в чтении всех древних книг, которые славными и мудрыми мужами написаны, и в историях о разных государствах. Науки, астрономию, географию, музыку, геометрию, арифметику, знает все до основания» [11, с.456].
- 7 В Китае, начиная с династии Юань, действовал закон о социальной поддержке и обслуживании пожилых людей, по которому все лица, достигшие 70-летнего возраста, освобождались от налогов, а людям старше 80 лет специально командированные государственные служащие регулярно раздавали по куску шелка, а также рис, мясо и другие продукты.
- 8 Александр Семенович Колтовский – енисейский комендант.
- 9 «Срединное государство» (Чжунго) – самоназвание Китая.
- 10 Гунхар-хан – турецкий султан Ахмет III.
- 11 Александр Арчилович (1674 - 1711) – имеретинский царевич из рода Багратионов, сын царя Имеретии и Кахетии Арчила Вахтанговича, внук картлийского царя Вахтанга V. Воспитывался в Москве. Сопровождал Петра Великого в его первом путешествии за границу, где изучал артиллерийское дело в Гааге. После возвращения в Россию был назначен начальником артиллерии в звании генерал-фельдцейхмейстера. В 1700 г. попал в шведский плен под Нарвой и содержался в плену в Стокгольме до 1710 г.
- 12 Хэ Цютао (1824 - 1862) - китайский чиновник и ученый. В 1859 г. написал подробную работу по русско-китайским отношениям. В 1860 г. был удостоен высочайшей аудиенции у императора Сяньфэна, во время которой его труд получил наименование «Шофан бэйчэн» (朔方备乘).

Литература и источники

1. Самойлов Н.А. Образ Петра Великого и идеология реформаторского движения в Китае в конце XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 4. С. 107-114. . DOI: 10.15393/uchz.art.2020.489
2. Маяцкий Д.И., Харитонов А.М. Петр Великий и оценка его достижений в произведениях китайских и вьетнамских литераторов первых годов XX века // Клио. 2020. № 11 (167). С.26-31.
3. Маяцкий Д.И. Внешняя политика Петра Великого в статьях китайских историков 1980-1990-х годов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 6. С. 15-23. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.512.
4. Мясников В.С. Новые знания о России в цинском Китае XVIII в. // Всемирная история и Восток. Сб. статей. М.: Наука, 1989. С.105-115.
5. Тихвинский С.Л. Восприятие в Китае образа России. М.: Наука, 2008. – 246 с.
6. Мороз И.Т. Китайское посольство Тулишэня к калмыцкому хану Аюке на Волгу (1712–1715) // Восточный архив. 2009. № 2(20). С. 28–39.
7. 阿拉腾奥其尔. 清朝图理琛使团与“异域录”研究. 桂林: 广西师范大学出版社 2015. - 536 页. [Алтан-Очир. Цинское посольство Тулишэня и изучение «Записок о чужеземном крае». Гуйлинь: Гуанси шифань дасюэ чубаньшэ, 2015 – 536 с.]
8. Очиров А.В. Участие калмыков в войнах России (первая треть XVIII – начало XIX в.) // Вестник Тамбовского университета.

2012. № 9 (113). С.333-338.

9. Шовунов К.П. Очерки военной истории калмыков XVII - XVIII вв. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1991. - 191 с.
10. Цюрюмов А.В. Калмыки и русско-китайские отношения в первой половине XVIII в. // Вестник Калмыцкого университета. 2019. № 2(42). С.36-43.
11. Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы. Т. 1: 1700-1725 / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М.: Наука, 1978. - 703 с.
12. Пан Т.А. Архимандрит Иларион Лежайский и Первая Пекинская духовная миссия (1717-1729 гг.) // Исторический вестник, № 2 (6). Москва-Воронеж: Воронежско-Липецкая епархия, 2000. С. 196-202.
13. Eminent Chinese of the Ch'ing Period (1644-1912) / Ed. by A.Hummel. V. 1-2. Washington: U.S. Government Printing Office, 1944. - 1103 p.
14. Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы. Т. 2: 1725-1727 / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М.: Наука, 1990. - 668 с.
15. Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М.: Наука, 1977. - 505 с.
16. Cai Hongsheng. Chinese Historical Accounts of Sweden and of the Trading Activity of the Swedish East India company in Canton in Qing Dynasty // Golden Age of China Trade: Essays on East India Companies' Trade with China in the 18th Century and the Swedish East Indiaman Göthenborg / Ed. by B.Johansson. Hong Kong, 1992. P. 90-104.
17. Самойлов Н.А., Маяцкий Д.И. Китайский историко-этнографический памятник «Изображения данников правящей династии Цин»: предыстория создания и социокультурное значение // Научный диалог. 2019. № 9. С. 437-455. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-437-455.
18. Самойлов Н.А. Эволюция представлений о китайском миропорядке и даннической системе в эпоху Цин // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: К 150-летию академика В.В.Бартольда (1869-1930). 19-21 июня 2019 г.: Материалы конгресса. СПб.: Изд-во Студия «НП-Принт», 2019. Т.2. С. 116-117.
19. Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М.: Наука, 1980. - 312 с.

References

1. Samoylov N.A. *Obraz Petra Velikogo i ideologija reformatorskogo dvizhenija v Kitae v konce XIX veka* [Image of Peter the Great and ideology of the Reform Movement in China at the end of the XIX century] // *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], 2020, vol. 42, no. 4, pp. 107-114. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.489
2. Mayatskiy D.I., Kharitonova A.M. *Petr Velikij i ocenka ego dostizhenij v proizvedenijah kitajskih i v'etnamskih literatorov pervyh godov XX veka* [Peter the Great and evaluation of his achievements in the Literary Works of Chinese and Vietnamese Authors of the early 20th Century] // *Klio*, 2020, no. 11(167), pp.26-31.
3. Mayatskiy D.I. *Vneshnjaja politika Petra Velikogo v stat'jah kitajskih istorikov 1980-1990-h godov* [Foreign policy of Peter the Great in the articles of Chinese historians of the 1980s and the 1990s.] // *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], 2020, v. 42, no. 6, pp. 15-23. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.512.
4. Miasnikov V.S. *Novye znaniya o Rossii v cinskom Kitae XVIII v.* [New knowledge about Russia in Qing China of the 18th century] // *Vsemirnaja istorija i Vostok*. [World history and the East], Moscow, Nauka, 1989, pp.105-115.
5. Tihvinsky S.L. *Vosprijatie v Kitae obraza Rossii* [Chinese perceptions of the image of Russia]. Moscow, Nauka, 2008, 246 p.
6. Moroz I.T. *Kitajskoe posol'stvo Tulishjenja k kalmyckomu hanu Ajuke na Volgu (1712-1715)* [Chinese Legation to Kalmyk Ayuka Khan on the Volga headed by Tulishen (1712-1715)] // *Vostochnyj arhiv* [Oriental Archive], 2009, no. 2(20), pp. 28-39.
7. *Alateng Aociq. Qing chao Tulichen shituan yu "Yiyu lu" yanjiu* [The Qing Dynasty Tulichen Mission and the Study of "Foreign Land Records"]. Guilin, Guanxi shifan daxue chubanshe, 2015, 536 p.
8. Ochirov A.V. *Uchastie kalmykov v vojnah Rossii (pervaja tret' XVIII - nachalo XIX v.)* [Participation of Kalmyks in the wars of Russia (first third of the 18th - early 19th centuries)] // *Vestnik Tambovskogo universiteta* [Tambov University Review], 2012, no. 9(113), pp. 333-338.
9. Shovunov K.P. *Ocherki voennoj istorii kalmykov XVII - XVIII vv.* [Essays on the 17th - 18th centuries military history of the Kalmyks]. Elista: Kalmyckoe knizhnoe izdatel'stvo [Kalmyk Publ. House], 1991, 191 p.
10. Tsurumov A.V. *Kalmyki i rusko-kitajskie otnoshenija v pervoj polovine XVIII v.* [Kalmyks and Russian-Chinese relations in the first half of the 17th century] // *Vestnik Kalmyckogo universiteta* [Kalmyk University Review], 2019, no 2(42), pp.36-43.
11. *Rusko-kitajskie otnoshenija v XVIII veke. Materialy i dokumenty* [Russian-Chinese Relations in the 19th century. Documents and materials]. Vol. 1: 1700-1725. Ed. by S.L. Tihvinsky. Moscow: Nauka, 1978, 703 p.
12. Pan T.A. *Arhimandrit Ilarion Lezhajskij i Pervaja Pekinskaja duhovnaja missija (1717-1729 gg.)* [Archimandrite Hilarion Lezhaisky and the First Beijing Ecclesiastical Mission (1717-1729)] // *Istoricheskij vestnik* [Historical Bulletin], No. 2 (6), Moscow-Voronezh: Voronezhsko-Lipeckaja eparhija [Diocese of Voronezh and Lipetsk Publ.], 2000, pp. 196-202.
13. Eminent Chinese of the Ch'ing Period (1644-1912). Ed. by A.Hummel. V. 1-2. Washington, U.S. Government Printing Office, 1944, 1103 p.
14. *Rusko-kitajskie otnoshenija v XVIII veke. Materialy i dokumenty* [Russian-Chinese Relations in the 19th century. Documents and materials]. Vol. 2: 1725-1727. Ed. by S.L. Tihvinsky. Moscow: Nauka, 1990, 668 p.
15. Skachkov P.E. *Ocherki istorii russkogo kитаеведения* [Essays on the history of Russian Sinology]. Moscow, Nauka, 1977, 505 p.
16. Cai Hongsheng. *Chinese Historical Accounts of Sweden and of the Trading Activity of the Swedish East India company in Canton in Qing Dynasty* // *Golden Age of China Trade: Essays on East India Companies' Trade with China in the 18th Century and the Swedish East Indiaman Göthenborg* / Ed. by B.Johansson. Hong Kong, 1992, pp. 90-104.
17. Samoylov N.A., Mayatskiy D.I. *Kitajskij istoriko-jetnograficheskij pamjatnik «Izobrazhenija dannikov pravjashhej dinastii Cin»: predystorija sozdanija i sociokul'turnoe znachenie* [Chinese Historical and Ethnographic Monument "Images of Tributaries of the Ruling Qing Dynasty": the Background to the Creation and Socio-Cultural Significance] // *Nauchnyi dialog*, 2019, no 9, pp. 437-455. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-437-455.
18. Samoylov N.A. *Jevoljucija predstavlenij o kitajskom miroporjadke i dannicheskoj sisteme v jepohu Qing* [The evolution of ideas about the Chinese world order and the tributary system in the Qing era] // XXX Mezhdunarodnyj kongress po istochnikovedeniju i istoriografii stran Azii i Afriki: K 150-letiju akademika V.V.Barol'da (1869-1930). 19-21 ijunja 2019 g.: Materialy congressa [XXX International Congress on Source Study and Historiography of Asia and Africa: on the Occasion of the 150th Anniversary of Academician V. V. Barthold (1869-1930)]. St.Petersburg, Studija «NP-Print» Publ., 2019, v.2, pp. 116-117.